

Валерий ГЕРГИЕВ:

Я отстаивал не конкретный проект, а идею

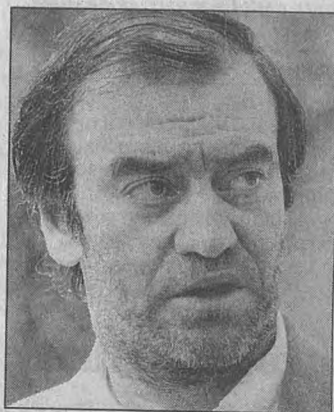
Минувшая неделя принесла очередной «букет» отчасти скандальных и в целом противоречивых слухов вокруг реконструкции Мариинского театра. За разъяснениями к первоисточнику — Валерию ГЕРГИЕВУ — обратились корреспонденты «Известий» Екатерина БИРЮКОВА и Юлия КАНТОР.

— В какой стадии находится сейчас проект реконструкции Мариинки? В последние дни все движется с такой скоростью, что уследить за ситуацией практически невозможно...

— Да, все меняется очень быстро — после полуторогодового зстоя, аппаратных игр и подспудной борьбы за финансовый кран. Десятки раз приходилось двигаться по принципу: шаг вперед, два шага назад. Люди, которые, наверное, неплохо занимаются строительством дорог или блочных домов, возможно, не очень хорошо знают, как заниматься реконструкцией всемирно известного театра. Я прошел все стадии — от голубой надежды до желания хлопнуть дверью или стукнуть кулаком по столу. Я даже не мог сказать своему коллективу, будет у нас в 2003 году домашний сезон или не будет, будем мы гастролировать или сидеть дома, будут новые постановки или нет, будет ли театр закрыт сразу весь или построят временную сцену, будет ли «Новая Голландия» задействована под Мариинский театр или под продажу водки.

— Ну и какие продвижения?

— Отношения муниципалов и федералов наконец-то достигли некоего правдоподобия. До этого в основном была фальшь. Эта ситуация у меня, человека, который никогда не участвовал в крупных строительных проектах, но за 25 лет работы в одном и том же театре осуществлял крупные художественные проекты, вызвала самые противоречивые чувства. Но цель

мне была совершенно ясна — Мариинскому театру нужна реконструкция. Мы задыхаемся в тесноте, страдаем от малосильности технического аппарата. Предполагаю, что у Большого театра положение не лучше. Когда я сравниваю два театра, мне приходит одна и та же мысль — проблемы российской культуры на многих направлениях общие. Эти проблемы не являются чем-то специфическими «Мариинским», или специфически «Большим» и относятся не только к театрам, но и к руководству культурой в целом. И такие проблемы надо решать путем споров, может быть, даже конфликтов, но не надо их замалчивать. Наш недавний конфликт со Швйджим — сначала заочный, потом публичный, потом очный, к чести моей и Михаила Ефимовича, закончился общей работой.

(Окончание на 3-й стр.)

Валерий ГЕРГИЕВ:

Я отстаивал не конкретный проект, а идею

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Вы обсуждали тему реконструкции с президентом?

— Да, я многократно говорил с Владимиром Путиным и на тему реконструкции Мариинского театра, и на тему создания современного культурного центра вокруг него — современного не только в смысле архитектуры, но и в смысле идей, которые фундаментально изменят инфраструктуру целого городского района или даже целого города.

— Иными словами, в «Новой Голландии» вы собираетесь помимо новой сцены театра разместить и деловой центр?

— Да. И подчеркиваю: речь идет сейчас даже не о конкретном проекте, а об идее, которой такой проект должен соответствовать. Деловая часть такого центра, возможно, прекращает функционировать в 18 часов, а культурный комплекс работает до полуночи. О деловой составляющей почему-то никто не вспоминает, а ведь она поможет создать нормальные условия для десятков тысяч людей, занимающихся бизнесом. Никто из наших оппонентов об этом не говорит. Что касается культурной составляющей, то там должны быть все виды развлекательной индустрии — от видеоцентра до букнистического.

— Сейчас особенно болезненным является вопрос об архитектуре, о том, как вписать в классический ансамбль современный блок.

— Ну это быстро раздуваемая история. Она просто обнажает еще одну проблему, за которую Валерий Абисалович Геггиев уж никак не отвечает. Эта проблема — состояние современной архитектуры или, наоборот, отсутствие ее в городе, уникальном по своим архитектурным достоинствам. Тут нужна невероятная осторожность. Петербургу есть чем гордиться. В нем колоссальное количество замечательных зданий, которые внутри, быть может, не в блестящем состоянии, но снаружи это — город-красавец. Его создатели — кстати, в основном иностранцы — шли не привычным, революционным путем. Об этом много говорилось на обсуждении проекта.

— Но их путь был эволюционный — они не перечеркивали, а продолжали достижения предшественников. Об этом тоже говорили на обсуждении проекта в Петербурге, не так ли?

— Я пригласил несколько человек, без которых невозможно представить обсуждение, — руко-

водителей хора, балета, самых выдающихся танцовщиков и певцов. Они сторонники реконструкции. Шакуров назвал проект «прохладным», Гусев, директор Русского музея, промолчал. Но все они придерживаются нашей позиции в главном — театру остро нужна реконструкция и развитие на уровне XXI века. Нам нужен именно комплекс, нужна территория — потому, естественно, надо рассматривать реконструкцию пространства, включающего «Новую Голландию», а не только кусок, где расположен ДК «Первой пятилетки». Русскому музею передали Летний сад. Так почему Мариинскому театру не нужна «Новая Голландия», которая умирает?!

— Почему макеты проектов не были предъявлены официально?

— Это же было первое, рабочее обсуждение макета. Вы представляете себе нечто более глупое, чем сразу показывать его группе человек в пятьсот. Что, все пятьсот человек будут высказываться?

— Питерцы традиционно болезненно реагируют на вмешательство в «музейный» архитектурный облик города.

— Далеко не все реагировали болезненно, многие с любопытством, а некоторые даже с восторгом. Самой большой ошибкой было бы сейчас перепевать эту почти драконовскую историю про то, что кто-то хочет загубить Петербург. В течение 48 часов выяснилось, что Петербург гибнет под страшным натиском злодеев из Мариинского театра, что ползет архитектурная саранча вместе с мусором.

— Какой будет новая сцена Мариинского театра?

— В этом направлении сделаны только первые шаги. Над нами не висит сегодня дамоклов меч, который требует немедленного представления единственного и окончательного архитектурного решения.

— Но ведь без утвержденного проекта нельзя двигаться дальше?

— Мы ждем выхода постановления правительства. Речь идет о том, делаем ли мы единым культурное пространство между Мариинским театром и «Новой Голландией». Это уникальный культурный проект, равных которому очень мало в мире. И Мариинский театр — мощное, сильное образование, которое может видоизменить эту часть Петербурга. А Эрмитаж и весь комплекс Дворцовой площади, включая Главный штаб, великолепно ос-

военный Пиотровский, — другую. Русский музей с Летним садом — третья. Я могу сказать определенно: чем иметь «Новую Голландию» в том виде, в каком она находится последние 70—80 лет, лучше отдать ее Мариинскому театру. Хуже не будет, потому что хуже быть не может.

— Как вы сами относитесь к проекту Эрика Мосса, вызвавшего так много шума?

— Мосс мне не брат и не друг. Вы знаете, с первой же секунды оскорблять человека только потому, что он делает то, что не делаешь ты, некрасиво. О реконструкции Мариинского театра да, наверное, и Большого будет сказано очень много неосторожных слов и очень мало точных. А еще меньше — умных. Потому что у нас вообще нет опыта реконструкции театров. И только одна десятая процента всех россиян бывала в по-настоящему современных театрах. Сегодня театры строят примерно так же, как конструируют последние модели БМВ. А мы с вами до сих пор очень удачно собираем первые модели «Жигулей».

— Валерий Абисалович, а как вы познакомились с Моссом? И какую роль в этом сыграло руководство Гострой, которому, как говорят, проект Мосса импонирует?

— Скажу, я ведь ничего не скрываю: познакомился через велосопера Фредерика Смита, который работает с Моссом. Смит вышел на председателя Гострой Шамузафарова. Но я должен сказать: никто не заикнулся именно на Моссе, хотя я не понимаю, почему мы должны опасаться пришествия к нам иностранных звезд.

— Но Мосс — не звезда, как, например, Фрэнк Герри, он ничего особенно знаменитого не построил. Кроме того, современная архитектура бывает очень разной — от модернистского вызова, обозначенного на макете Мосса, до мягкого вписывания в историческое пространство.

— Я вас не зову сейчас в дискуссию об архитектурных стилях. Я — не профессионал. Я могу только вежливо обратиться ваше внимание на то, что мы отстали от нескольких десятков стран в остроте и свежести архитектурной мысли, и подчеркиваю — я отстаиваю даже не конкретный проект, а идею современной реконструкции. Мы — не слепые и видим, что происходит. В Сиднее здание оперного театра стало символом страны и даже Олимпийских игр. Построить новую

сцену как бледную копию Мариинского театра мне кажется трусливым и неэффективным решением. Лучше рискнуть, максимально внимательно посмотрев несколько вариантов, найти решение, которое соответствовало бы уже наступившим переменам. Россия — сейчас уже другая страна, чем пять лет назад. «Черные» вторники позади, августовский кризис позади, августовский пучок далеко позади. Сегодня Россия богаче, чем за все последние 15 лет. Безусловно, Мариинский театр должен и будет влиять на то, как пройдет процесс реконструкции. Нам этот театр уж точно не менее дорог, чем остальным участникам дискуссии. Никто не горит желанием изуродовать Театральную площадь. Кстати, заказчиком в проекте реконструкции Мариинского театра выступал Госстрой. Ни копейки денег, выделенных на реконструкцию, Мариинский театр до последних дней декабря 2001 года не получал и не распределял.

— Когда проходил конкурс?

— Госстрой проводил его в октябре. Конкурс весьма странный, на мой взгляд, но это тема для отдельного разговора.

— В выходные стали говорить о якобы объявленном городской администрацией конкурсе на проект реконструкции Мариинки. Эта новость показалась абсурдной — театр является объектом федерального подчинения и, следовательно, объявлять такой конкурс может только федеральная структура — Госстрой, Минкультуры или вы как художественный руководитель Мариинки. В понедельник нам прояснили ситуацию: Смольный на деле лишь сообщил, что международный конкурс будет объявлен на федеральном уровне.

— Вот именно. Меня интересует не то, кто формально будет объявлять конкурс, а то, чтобы за всем не была отягчена реализация идеи.

— Как сегодня обстоят дела с финансированием реконструкции? У вас есть инвесторы для той части проекта, которую не будет субсидировать государство?

— А как вы думаете? Но подчеркну — я не собираюсь единолично тратить или распределять средства, которые даже единолично привлеку. Финансировать пока нечего — проекта-то утвержденного нет. Но я думаю, все участники этой драматической истории постараются, чтобы она имела счастливый конец. Жду встречи с Михаилом Касьяновым 6 февраля.